

ЗИМА, 1957

Я ведь священник, Христа ради, — как такое может со мной происходить?

Он заметил пустой патрон, в котором отсутствовала лампочка, но не придавал этому значения. Однако где-то на середине коридора, там, где тьма была гуще всего, что-то схватило его за левое плечо, — кажется, какой-то зверь или какая-то крупная и тяжёлая птица — и глубоко вонзило единственный коготь в правую сторону шеи чуть выше края воротничка. Он почувствовал только быстрый укол, а затем рука онемела вплоть до самых кончиков пальцев.

Крякнув, он отшатнулся от противника. В горле ощущался вкус желчи, смешанной с виски, а также какой-то ещё, резкий и медянистый: то был вкус самого ужаса. По правому боку растекалось что-то горячее и липкое, и он на мгновение задумался, не вывернуло ли это существо прямо на него. Пошатываясь, двинулся дальше и добрался до лестничной площадки, где мерцала единственная лампочка. В её свете кровь у него на ладонях показалась почти чёрной.

Рука по-прежнему оставалась онемевшей. Он рванул к верхней площадке лестницы. Голова кружилась, он боялся упасть, но схватился левой рукой за перила и по крутому изгибу лестницы сумел спуститься в холл. Там остановился, покачиваясь и тяжело дыша, как раненый бык. Теперь — ни звука, только глухой медленный барабанный бой в висках.

Дверь. Он распахнул её рывком, отчаянно нуждаясь в убежище. Зацепился носком за край ковра, полетел на пол головой вперёд, обмякший и тяжёлый, и, падая, ударился лбом о паркет.

Он неподвижно лежал в темноте. Дерево, пахнущее восковой полировкой и застарелой пылью, было гладким и холодило щёку.

Вeer света на полу за его ногами резко сложился: кто-то вошёл и захлопнул дверь. Он перевернулся на спину. Существо, то ли то же самое, то ли другое, склонилось над ним и обдало его своим дыханием. Ногти — или когти, он так и не понял, что именно, — царапнули его колени. По ним тоже растеклось что-то липкое, но это была не кровь. Он увидел блеск лезвия, почувствовал, как холодный металл глубоко вонзается в плоть.

Он бы закричал, но у него отказали лёгкие. Сил больше не было. По мере того как в нём угасали жизненные силы, исчезала и боль, пока не осталось ничего, кроме постоянно нарастающего холода. «Confiteor Deo...»¹ Он хрипло вздохнул, и между его приоткрытыми губами вздулся кровавый пузырь; пузырь вздувался и вздувался, а затем лопнул с негромким хлопком, прозвучавшим комично в полной тишине, — впрочем, к этому моменту священник уже ничего не слышал. Последним же, что увидел, — или последним, что ему померещилось, — была слабая вспышка света, на миг окрасившая жёлтым окружающую темноту.

¹ *Confiteor Deo* — «Исповедую Богу...» (лат.), краткая покаянная молитва, принятая в Римско-католической церкви (здесь и далее примечания переводчика).

1

— Тело находится в библиотеке,— сказал полковник Осборн.— Сюда.

Инспектор сыскной полиции Страффорд привык к ненаотопленным домам. Ранние годы он провёл в огромном мрачном особняке, очень похожем на этот; затем его отправили учиться, и здание, в котором располагалась школа, было ещё больше, серее и холоднее. Он часто поражался тому, сколь крайнюю степень неудобства и неустроенности предлагается терпеливо сносить детям без малейшего выражения протеста или недовольства. Теперь, когда он следовал за Осборном по широкому коридору — отполированные временем плиты, коллекция ветвистых рогов на памятной доске, потускневшие портреты предков Осборна, висящие рядами вдоль стен с обеих сторон,— ему казалось, что воздух здесь ещё более ледяной, чем снаружи. В огромном каменном камине угрюмо тлели три комка влажного торфа, уложенные на треноге, не дающие скольконибудь заметного тепла.

Два дня подряд шёл снег, и сегодня утром всё будто застыло в немом изумлении при виде того, какая необъятная гладь сплошной белизны простирается со всех сторон. Люди говорили, что это неслыханное дело, что они отродясь не видали такой погоды, что

это самая суровая зима на памяти живущих. Впрочем, говорили так каждый год, когда выпадал снег, а также и в бесснежные зимы.

Библиотека имела вид места, в котором уже очень давно никто не бывал, а сегодня она вдобавок к этой заброшенности приняла обиженное выражение, будто возмущаясь тем, что её уединение столь внезапно и столь грубо нарушили. Книжные шкафы со стеклянными фасадами, выстроившиеся вдоль стен, холодно взирали на непрошенных гостей, а книги за дверцами стояли плечом к плечу в позе немощного негодования. Окна с решётчатыми перегородками были вставлены в глубокие гранитные амбразуры, и сквозь их многочисленные крохотные свинцованные стёкла в комнату заглядывал обжигающий снежный свет. Страффорд уже успел проникнуться пренебрежением к архитектурной ценности этого здания. Новодельная стилизация под старину, без колебаний подумал он и мысленно наморщил нос. О нет, он вовсе не был снобом, просто ему хотелось бы, чтобы обстановку оставляли как есть, а не пытались искусственно выдать за то, чем ей никогда не стать.

Но что же тогда насчёт него самого — так ли аутентичен он сам? Страффорд не упустил из виду удивлённого взгляда, которым окинул его с головы до ног и в обратном направлении полковник Осборн, открывая входную дверь. Было лишь вопросом времени, когда полковник Осборн или кто-то ещё из домочадцев скажет ему, что он мало похож на полицейского. Инспектор к этому привык. Большинство людей воспринимало это как комплимент, и он старался воспринимать

подобные замечания в том же духе, хотя каждый раз при таких словах чувствовал себя мошенником, злоупотребившим чужим доверием, но выведенным на чистую воду.

А в действительности-то люди имели в виду, что он непохож на *ирландского* полицейского.

Детективу-инспектору Страффорду по имени Сент-Джон («произносится „Синджен“», — по обыкновению устало объяснял он) было тридцать пять лет, при этом выглядел он лет на десять моложе. Он был высок и худощав (для его описания идеально подошло бы слово «долговязый»), обладал заострённым, узким лицом, глазами, которые при определённом освещении казались зелёными, и волосами невнятного цвета, прядь которых то и дело норовила выбиться на лоб подобно мягкому, блестящему крылу, и тогда он смахивал её назад характерным неловким жестом всеми четырьмя пальцами левой руки. На нём был серый костюм-тройка, который, как и вся его одежда, казался великоватым на размер или более, туго повязанный шерстяной галстук, карманные часы на цепочке (они принадлежали его деду), серый габардиновый плащ свободного покроя и серый же шерстяной шарф. Он снял мягкую чёрную фетровую шляпу и теперь держал её за поля сбоку. Ботинки промокли из-за талого снега — он словно не замечал луж, образовавшихся под его ногами на ковре.

Крови оказалось не так много, как должно было быть, учитывая тяжесть нанесённых ранений. Когда инспектор присмотрелся, то увидел, что большую часть лужи кто-то вытер. Само тело священника тоже подверглось манипуляциям. Он лежал на спине, сложив

руки на груди. Ноги ему выпрямили и вытянули параллельно друг другу. Не хватало только чёток, обвитых вокруг костяшек пальцев.

Пока ничего не говори, сказал себе Страффорд. Успеешь ещё позадавать неудобные вопросы.

На полу над головой покойного стоял высокий медный канделябр. Свеча в нём догорела полностью, и воск растёкся во все стороны, что до странности напоминало застывший каскад шампанского.

— Чертовски жуткая штуковина, а? — сказал полковник, коснувшись канделябра носком туфли.— У меня аж поджилки затряслись, скажу я вам. Можно подумать, тут проводили чёрную мессу или что-то в этом роде.

— Угу.

Страффорду никогда ещё не приходилось слышать, чтобы где-то убили священника, уж точно не в этой стране; по крайней мере, такого не случилось ни разу со времён Гражданской войны¹, которая закончилась, когда он ещё толком не научился ходить. Когда подробности дела станут известны широкой публике — если они станут известны широкой публике — разразится страшный скандал. Ему пока не хотелось об этом думать.

— Лоулесс, говорите, такая была у него фамилия?

Полковник Осборн, хмуро глядя на мертвеца, кивнул:

— Именно так, отец Том Лоулесс — или просто отец Том, как все его называли. Очень востребован в этих краях. Выдающийся персонаж.

¹ Имеется в виду гражданская война в Ирландии (1922—1923) между противниками и сторонниками сохранения страной статуса британского доминиона.

— Значит, друг семьи?

— Да, частый гость нашего дома. Часто выбирается из своего обиталища в Скалланстауне и бывает у нас — то есть теперь, полагаю, следует говорить «бывал у нас». У нас в конюшне стоит его лошадь — у меня ведь целая свора килморских гончих, так что отец Том никогда не пропускал ни одной верховой прогулки. Очередной выезд планировался как раз вчера, но выпал снег. Он всё равно захал к нам на огонёк и остался поужинать, а мы предоставили ему ночлег. В самом деле, не ехать же ему домой в такую непогоду! — Он снова опустил глаза на труп.— Хотя, глядя теперь на то, что случилось с беднягой, я горько сожалею, что не отправил его восояси, невзирая на снег. Ума не приложу, кто мог сотворить с ним такую ужасную вещь.— Он слегка кашлянул и смущённо пошевелил пальцем, указывая в сторону промежности мертвеца.— Я как смог застегнул ему брюки — из соображений приличия. («Вот тебе и неприкосновенность места преступления»,— с тихим вздохом подумал Страффорд.) — Когда будете осматривать тело, увидите, что они... в общем, беднягу оскопили. Варвары.

— Они? — переспросил Страффорд, приподняв брови.

— Они. Он. Не знаю. Подобное часто приходилось видеть в старые времена, когда они боролись за свою так называемую свободу, а сельская местность кишмя кишела головорезами всех мастей. Насколько можно судить по этому досадному происшествию, то, должно быть, кто-то из них по-прежнему рыщет по округе.

— Так вы думаете, что убийца — или убийцы — проник сюда снаружи?

— Ну что же вы, ради бога, мил человек, ну не думаете же вы, будто такое мог совершить кто-то из домашних!

— Значит, в дом кто-то вломился? Есть ли следы силового вторжения — разбитое окно, сломанный дверной замок?

— Не могу знать, не проверял. Разве это не ваша работа — искать улики и так далее?

Полковнику Осборну на вид исполнилось около пятидесяти, он был худощав и мускулист, со щёткой усов под носом и колкими, льдисто-голубыми глазами. Он был среднего роста и выглядел бы ещё выше, если бы не явная колченовость (возможно, сардонически подумал Страффорд, заработанная именно в ходе всех этих выездов на псовую охоту) — так что передвигался он странной походкой, как-то вперевалку, словно орангутан, у которого что-то не в порядке с коленными суставами. На нём были начищенные коричневые туфли, трикотинные брюки с остро утюженными стрелками, твидовая охотничья куртка, рубашка в клетку и пятнистый галстук-бабочка приглушённо-синего оттенка. От него пахло мылом, табачным дымом и лошадьми. Также он сверкал лысеющей макушкой, а несколько прядей песчано-рыжих волос, густо намазанных маслом и яростно зачёсанных с висков, сходились на затылке в своего рода заострённый хохолок, похожий на кончик хвоста какой-нибудь экзотической птицы.

Он участвовал в войне, будучи офицером Иннискиллингского драгунского полка, и совершил нечто

примечательное под Дюнкерком, за что был награждён медалью.

Словом, полковник Осборн казался весьма типичным представителем своей породы. Породы, с которой Страффорд был хорошо знаком.

Странно, подумал он, что человек тратит время на то, чтобы так тщательно приодеться и привести себя в порядок, в то время как на полу его библиотеки лежит труп зарезанного и кастрированного священника. Но, конечно, формальности необходимо соблюдать, каковы бы ни были обстоятельства: скажем, во время осады Хартума послеобеденный чай пили каждый день, причём зачастую — на открытом воздухе. Таков уж был кодекс класса, к которому принадлежал полковник — равно как и Страффорд.

— Кто его нашёл?

— Моя жена.

— Понятно. Она сказала, что он так и лежал со скрещенными руками?

— Нет. На самом-то деле я его привёл немного в божеский вид...

— Понятно.

Чёрт возьми, подумал он. Чёрт возьми!

— Но вот руки сложил ему не я — это, должно быть, миссис Даффи.— Он пожал плечами.— Вы ведь их знаете,— тихо добавил он с многозначительным видом.

Под «ними», как понял Страффорд, он, конечно же, подразумевал католиков.

Теперь полковник достал из внутреннего нагрудного кармана пиджака серебряный портсигар с

монограммой, нажал на защёлку большим пальцем, откинул крышку и протянул ему два полных аккуратных ряда сигарет, перехваченных эластичным ремешком. Марка «Синиор сервис», автоматически подметил Страффорд.

— Не желаете закурить?

— Нет, спасибо,— сказал Страффорд. Он всё ещё рассматривал труп. Отец Том был крупным мужчиной с широкими плечами и грудью колесом. Из ушей у него торчали клочья волос: поскольку священники не вступают в брак, то обычно пренебрегают такими вещами, подумал инспектор. Это натолкнуло его на дельную мысль:

— А где она сейчас,— спросил он,— ваша жена?

— А? — Осборн на секунду уставился на него, извергая из ноздрей два облака сигаретного дыма.— Ах да. Она наверху, отдыхает. Я велел ей выпить рюмку бренди и портвейна. Можете себе представить, в каком она состоянии.

— Разумеется.

Тихо постукивая шляпой по левому бедру, Страффорд рассеянно огляделся по сторонам. Всё казалось каким-то нереальным: и эта большая квадратная комната, и высокие книжные шкафы, и пышный, но выцветший турецкий ковёр, и расстановка мебели, и столь аккуратно разложенное тело с открытыми и подёрнутыми плёнкой глазами, бесцельно глядящими куда-то вверх, как будто хозяин их не умер, а, растерявшись, погрузился в размышления.

А по другую сторону труп стоял человек в отутюженных брюках, клетчатой хлопчатобумажной рубашке

и искусно завязанном галстук-бабочке, с офицерскими усами, холодным взглядом и бликом света из окна за его спиной, мерцающем на черепе, туго обтянутом загорелой кожей. Всё это казалось слишком театральным, особенно в лучах этого неестественно яркого белого сияния, проникающего снаружи. Слишком всё это походило на последнюю сцену какой-нибудь салонной мелодрамы, когда занавес вот-вот опустится, а публика уже готовится аплодировать.

Что произошло здесь прошлой ночью, что привело священника к смерти и увечью?

— Вы приехали из Дублина? — спросил полковник Осборн.— Рискованная поездка, могу себе представить. Дороги нынче, как стекло.— Он сделал паузу, приподняв одну бровь и опустив другую.— Вы ехали одни?

— Ко мне поступил телефонный звонок, а я как раз был здесь неподалёку. Гостил у родственников.

— А-а. Вот оно что. Как, ещё раз, вас зовут? Стаффорд?

— Стр-р-раффорд, с буквой «р».

— Извините.

— Не волнуйтесь, ту же самую ошибку совершают все.

Полковник Осборн кивал, хмурился и размышлял.

— Страффорд,— пробормотал он.— Страффорд...— Он глубоко затянулся сигаретой — явно пытался вспомнить, где и когда слышал эту фамилию. Детектив не оказал ему в этом никакой поддержки.

— Скоро придут ещё люди,— сказал он.— Наряд полиции. Судебно-медицинская бригада. А также фотограф.